

НАРСУД ОКТИЯБРЬСКОГО РАЙОНА г. ЛЕНИНГРАДА

25 ноября 1981 г.

9.40. Толпа друзей, знакомых и родственников в проколе перед залом № 14; человек 7 идут у подъезда, в надежде увидеть Р., когда его будут высаживать из машины. Машины еще нет.

9.50. Пришла машина, въехала в подворотни, остановилась дверь в дверь / вход в здание из подворотни/. Сперва выскочили двух угонщиков автомашин, потом еще одного грузчика, а потом - без выкрика - быстро - Рогимского.

10.00. Р. провели в зал, вышел милиционер и сказал: "В зале мало мест, только свидетели и потерпевшие! / голос из толпы: "Здесь все потерпевшие! "/ Ну, еще родственники ... Всего 15 человек". Вшли человек 8, потом "обменяли" одну женщину на двоих, а в перерыве "выбили" еще двоих. "Сотрудников" всего двое - сидят в противоположных углах зала.

"Слушается дело ..." Объявлен состав суда. Судья - председатель Октябрьского нар. суда Барышев В.В. Нет ли отводов? Их нет. Секретарь докладывает о явке свидетелей. Выясняется, что пятерых нет. Запрос к сторонам. Обвинение и Р. не возражают, адвокат просит отложить слушание. "Посовещавшись на мосте", суд постановляет СЛУШАТЬ. Служение начинается с ходатайства адвоката:

1. О приобщении к делу инструкций о допуске к материалам ЦГИА и ГАУ. 2. О вызове свидетелей Б.Ф. Егорова /для научной характеристики Р./ и А.С. Лурье /для характеристики Р. как работника на "последнем рабочем месте"/. Оба ходатайства удовлетворяются.

Далее устанавливается личность обвиняемого; среди прочих вопросов выясняются причины "неслужбы в армии", психоболезни, экспертизы в больнице №4. Затем устанавливается место работы. /"Это какой Лурье? Неизвестный?"/ - "Нет, его однофамилец". Выясняется, кто такой А.С., и Р. объясняет, что с 15 июня 1981 года не работает/.

Засчитывается обвинительное заключение.

Обсуждается порядок судебного следствия. Устанавливаются о следующем: допрос обвиняемого, исследование вещественных доказательств, допрос вызванных свидетелей. На вопрос о признании себя виновным, Р. отвечает, что не признает. На предложение пожалить свою позицию в связи с предъявлением обвинения Р. заявил, что он отказывается отвечать на конкретные вопросы по этому делу, а о motives своего отказа говорить не хочет, во всяком случае, пока.

Во время своего допроса Р. последовательно отказывается отвечать на все вопросы, связанные с бланками, подписями, отношениями

и проч., за исключением вопроса о том, его ли подпись стоит на 2-х листах использования из архива Дона Плеханова. Свое отступление от избранной позиции в этом случае Р. объяснял тем, что назанный архив слишком дорог его сердцу, чтобы он мог позволить своими словами бросить тень подозрения в подлоге на его сотрудников. /"А другие не дороги?" - улыбнулся судья. - "Нет, не дороги"./

Вопрос прокурора: "Получали ли Вы стипендию, когда учились в университете? Платили ли Вы за обучение? Знали ли Вам закон советского общества: "что не работает, тот не ест"? - "Когда получал, когда нет. Нет, не платил. Закон? Где он сформулирован? - "В Конституции ... Во всяком случае, в старой конституции он был сформулирован прямо. И разве Вы не знаете, что это основополагающий закон нашего общества? - "Ну, вообще эта фраза мне известна" - "А между тем Вы, не работая, отдыхаете на курорте ... И чем объяснить, что у Вас в доме изымается литература, которой нет у нас в свободной продаже и которая не вполне соответствует духу нашего общества? Как она к Вам попала?"

- Отказываясь отвечать.

- Почему? Вы, правда, в этом не обвиняетесь, в деле этого нет, но я хотел бы прояснить для себя и для суда Ваш облик.

- Мы встречаемся с Вами уже второй раз, но мне кажется, что впечатление о моем облике у Вас было сформулировано еще до первой нашей встречи в КИБ. Ваше любопытство мне понятно, но отвечать на этот вопрос я не буду.

В ходе допроса председатель неоднократно уговаривал Р. хоть как-то защищаться, хотя бы отвергая предъявляемые ему обвинения.

- Почему Вы не используете свое право на защиту? Защищайтесь! Почему Вы улыбаетесь?

- Вам показалось, я не улыбаясь.

- Или Вам безразлична Ваша судьба?

- Нет, не безразлична, но юридическую сторону своей защиты я всецело доверяю своему защитнику, а в моральном и иных смыслах я пока высказываться не буду.

Тогда председатель предположил, что Р. считает присутствие публики и поэтому он не хочет откровенничать.

- Может быть, нам провести закрытое заседание?

- Выите ли, ведь я держался той же позиции и наедине с моим очень милым и корректным следователем.

- Вот я сейчас всех выведу.

- Ну, тогда я попробу вывести и меня. Я говорю серьезно.

Во время перерыва выяснилось, что попадать в зал заседания и выходит в перерыв в "предбанник" нельзя разговаривать с теми,

кто на суд попасть не смог.

После перерыва начался допрос свидетелей. Первым был допрошен Савонко Владимир Николаевич, ответственный секретарь журнала "Нева". Устанавливается личность свидетеля, в прошлом зав. отделом очерка и публистики, ныне ответственный секретарь редакции, образование среднее, член КИСС. На вопрос, знаком ли с подсудимым, отвечает отрицательно, добавляя, что в "редакции народу много ходит".

- Знакомы ли Вам эти бланки и не Ваша ли подпись там стоит?
- Бланки знакомы, на таких пишутся все бумаги, исходящие из редакции. Они выданы машинисткам без учета количества. Подпись не моя.
- Знаком ли кому-нибудь в редакции Рогинский?
- Когда я получила запрос из библиотеки, выдавали ли мы Р. отновение в рукописный отдел ГИБ, то просмотрели всю документацию за последние 7-8 лет и выяснили, что никакого официального отношения редакция журнала Р. не выдавала. Из всех опрошенных мной сотрудников только С.А. Лурье, старший редактор отдела прозы, ответил, что знаком с Р. Познакомились на научной конференции.

Свидетелю предложили для опознания ходатайство Р-му из журнала "Нева" за подпись Лурье. Он сказал, что подпись не похожа на подпись Лурье. По предъявлении второго бланка из "Невы" за подпись самого свидетеля, он отрицал её подлинность /вторично/.

Свидетельница Матвеева Т.Д./зав. архивом Географич. общ-ва/. Вопрос о знакомстве с Р. факт знакомства признала после длительного замечательства. Особую сложность вызвал у неё вопрос, как могло случиться, что Р. был допущен для работы с рукописями без визы ученого секретаря на отношении. Ответа по существу не последовало. Совершенно очевидно /и для суда это не стало тайной/, что Матвеева не разбирается ни в правилах работы в возглавляемом ею архиве, ни в документах, которые там хранятся. Совершенно в тупик она была поставлена вопросом о ценности или "нецениности" хранящихся там документов. Пытаясь сгладить вину за выдачу документов на свою соединившую однодомашнюю. Зачитывались правила работы в архиве ГО, где, в частности, говорится и о командировочных как о некоей отдельной группе. Выяснился вопрос о том, какими правами они обладают. - Не выяснился.

Свидетельница Бучина Л.И., зав. читальным залом ОР. Работает в ГИБ 21 год. Р. знает около 15 лет со времени своей работы в ОР. Суд, кажется, так и не понял её ответа о занимаемой должности "з-р библиотекарь ОР ГИБ и зав. читальным залом". Её неоднократно об этом переспрашивали, а также о структуре ОР /"Одно и то же Дом Плеханова и ОР, или нет? Кому подчиняется?"/. На вопрос о важности документов, читанных Р. в ДП, Бучина ответила, что по ЕР фондов об

этом трудно судить, но в СР и ДП есть и уникальные материалы, и копии, и черновики. В ходе допроса выяснилось, мог ли знать изготовитель бланков-отношений, какие из материалов хранятся в РО ГИБ, а какие в Доме Плеханова.

Свидетель Бучина также показала, что правилами и практикой пользования читальным залом предусмотрен доступ к рукописным материалам без специальных отношений для пенсионеров - бывших работников архива, и давних читателей отдела, и в некоторых других исключительных случаях. Разрешение выдается зав. отделом рукописей.

Свидетель Фейгин В.А., заведующий специальным отделом ГИБ. По просьбе директора ГИБ направил в редакцию "Невы" запрос о подлинности отношений, представленных Р. в ГИБ от имени "Невы". Запрос был сделан после того, как директору ГИБ через Горлит был передан изданный в Нью-Йорке исторический сборник "Память" с просьбой выяснить, не опубликованы ли в нем материалы РО ГИБ. Зав. рукописным отделом И.Н.Курбатова, производившая по просьбе директора библиотеки экспертизу, высказала убеждение, что в упомянутом сборнике опубликовано два материала РО ГИБ: Письма Левицкого и Семёнова Дейчу. Оба документа просматривались только Р., о чем свидетельствуют листы использования, откуда предполагается, что в сборнике "Память" они были переданы именно им. На вопрос председателя суда, как расшифровывается Горлит, что это за учреждение, Фейгин сказал, что расшифровать это слово он не может, не знает, как расшифровывается, что Горлит и есть Горлит, что все его так называют. Вопрос о соотношении рукописного собрания в СР ГИБ, Дома Плеханова и СГК выяснялся неоднократно и безуспешно у разных свидетелей. Свидетель Фейгин попытался внести ясность, провёл аналогию между тремя архивами и тремя подразделениями в роте ... Судья обрадовался, но, кажется, все равно не понял.

Свидетель Сенчуря Л.И., ученый секретарь Всесоюзного Географического общества, образование высшее, член КПСС. Показал, что, будучи в ГИБ, случайно познакомился с приказом об исключении Р. из числа читателей библиотеки /и рукописного отдела в том числе/за подделку отношений в РО ГИБ и публикацию Р. в зарубежном издании материалов РО ГИБ. Приказ об исключении, прикрепленный к дверям, он помнит отчетливо. Приказ был прикреплен одной кнопкой. Вернувшись из ГИБ домой /Председатель: "Куда? Домой?" - Свидетель: "Ну, в смысле, - в ГО"/ - он вспомнил, что Р. является читателем ГО, и просмотрел его читательский формуляр. Параллельно он обратился к указатель "Тематика работ исследователей по материалам АН СССР", в одном из выпусков которого обнаружил: "А.В.Рогинский, аспирант-заочник МГИ, филологич. факультет". Подозрение свидетеля вызвал тот факт, что в отношении из Саратовского университета, представленного Р. в ГО, Р. значился соискателем историч. фак-та, в то время как в "таблице" Р. был отмечен в

5.

качестве аспиранта филологического факультета. Им был послан запрос в Саратовский Университет с просьбой атрибутировать предъявленное Р. в ГО отношение. В ответном письме Саратовский Ин-т признал это отношение подложным. После чего свидетель от имени ГО возбудил против Р. дело в прокуратуре.

На вопрос, как могло случиться, что Р. был допущен к работе в архиве ВГО без визы учёного секретари на отношении, Сенчура ответил, что это явное нарушение установленного в архиве порядка совершено одной из сотрудниц архива. Председатель: "Было ли взыскание у Катвеевой по работе?" - Свидетель: "Ещё нет" - Прокурор/неожиданно/: "И не может быть. Три года уже истекло". Прокурор:

- В вашем архиве хранятся ценные документы?
- Чрезвычайно ценные.
- Этим и вызвано существование строгих правил, ограничивающих доступ в архив разных лиц?
- Конечно, мы призваны не допустить опубликования в западной печати материалов, наносящих вред нашему обществу.

Свидетелю Сенчуре, как и Катвеевой и Бучиной, задавался вопрос о том, как он оценивает "важность" архивных документов. Он единственный четко сформулировал свой ответ: "важность" документа зависит от того, как будет документ использован /с какими целями взят/.

Вопрос Р-го: "А в советской печати?" - Ответ свидетеля: "В советской печати такого быть не может. Есть Горлит". Рогинский:

- Скажите, пожалуйста, Вы являетесь читателем РО ГПБ?
- Нет, но два сотрудника ГПБ являются ответственными членами ВГО, именно их я и искал в ГПБ, когда прочёл приказ, проходя по библиотеке через рукописный отдел?
- Куда можно пройти через рукописный отдел? На каких дверях висел приказ о моем исключении?
- Я не помню, на каких дверях висел приказ, может быть, я прочёл его на каких-то других дверах. Но я хорошо помню, что он был прикноплен сверху кнопкой. Я не знаю, куда можно пройти через рукописный отдел, может быть, я через него не проходил, сейчас не помню.
- В каком здании Вы читали приказ? В Доме Плеханова или на Садовой?
- Я не помню, в каком здании я его читал, но я его читал на дверях.
- Приказ висел только на одних дверях - на внутренней стороне входных дверей в РО ГПБ, а Вы сказали, что через РО, Вы, может быть, и не проходили. Как же Вы могли видеть приказ?

Вопрос прокурора/свидетелю:

- Бывали ли в ВГО подобные случаи раньше?
- Нет, никогда.
- Значит, случай исключительный? - Да, исключительный.

6.

Свидетель Пугачев В.В., доктор ист. наук, профессор Саратовского экономического ин-та, бывший профессор истории СГУ. Заявил, что Р. знает с 1965 г. как талантливого историка, познакомились на Пушкинской конференции. Р. является его Диссертантом, представившим план работы, письмо из школы и прочие необходимые для осуществления статуса соискателя документы. Относительно выданного Межвузовским историографическим сборником в 1977 г. отношения в архив на имя Р. за подпись В.В.Пугачева /редактора истор. сборника/ Пугачев заявил:

- На предварительном следствии я показал / двум студенткам-практиканткам из СИ, которые меня допрашивали/, что подпись под отношением не моя. Теперь я припоминаю, что давал указание выдать от редакции такое отношение Р. Подпись моя, но похоже или нет - этого установить невозможно, т.к. у меня очень неустойчивый почерк, и ~~то~~ хотя ~~идентифицировать~~ подпись я затрудняюсь, но если даже подпись не моя, то она сделана с моего ведома и санкции.

Прокурором был задан вопрос, как он относится к тому, что его ученик является подделывателем документов. Пугачев ответил, что затрудняется ответить на этот вопрос, т.к. материалы следствия ему не известны, а справедливость обвинения должна быть подтверждена судом. Председатель суда сделал свидетелю замечание, заметив, что подобное поведение свидетеля не делает ему чести. Председатель суда снова повторил свидетелю вопрос прокурора, но в несколько другой редакции:

- Не будет ли Вам, товарищ Пугачев, обидно, если Ваш ученик будет осужден за подделку документов?
- Конечно, будет обидно, - ответил В.В.Пугачев.

Сразу после допроса свидетеля Пугачева прис. объявил перерыв в судебном заседании до 11 часов 26 ноября.

26 ноября 1981 г.

Заседание суда начинается с допроса свидетеля Егорова Б.Ф., русского, члена КПСС, доктора филологических наук, ст. научн. сотр. Института Истории АН СССР, зам. гл. ред. серии "Литературные памятники".

Свидетель знает Р. с 1962 года, сначала он, не будучи научным руководителем Рогинского-студента, внимательно следил за его научными работами, поскольку Р. уже на первом курсе заявил о себе как о способном, перспективном ученом. Он вместе с группой его товарищей по ун-ту принимал активное участие в организации студенческой науч работы, студенческих межвузовских конференций, печатал свои работы в научных университетских студенческих сборниках, которые и редактировал. Далее Б.Ф.Егоров знал его работы послеуниверситетского периода и может только положительно о них отзоваться. Он считает Р-го при-

7.

рождённым ученым, способности которого вместе с громадной трудоспособностью и трудолюбием должны приносить значительные плоды. Свидетель рассказывает историю заявленного Р. с группой коллег плана издания, в серии "Литературные памятники", тома писем Германа Лопатина, для работы над которым редакц. коллегия Серии выдала Р. отношения за его, Егорова, подпись. На вопросы суда - почему не Лихачев /гл. редактор Серии/, а он сам подписывал отношения, Егоров отвечает, что имел на это полное право, как, впрочем, и другие члены редколлегии. Договор оформляется после представления рукописи. Вопросы прокурора к свидетелю по существу направлены на то, чтобы показать, будто Р. на самом деле не работал, а хотел только получить отношения. Вопросы Р-го к свидетелю:

- Сколько времени занимает подготовка к печати рукописи из 30 печатных листов?
- Коллектив авторов, работая только над этим целый рабочий день, может подготовить такую рукопись в течение 2-х лет.
- Бывает ли случаи более длительной работы?
- Бывает, что и в 10 лет не укладывается.

Вопросы адвоката к свидетелю: об архивах, порядке работы в них, о тех качествах, которые вырабатывает в человеке длительная работа в архивах с подлинными документами. Доступ в архивы и порядок его определен правилами, бывают случаи, когда дирекция архива отказывает исследователю на основании неправильно сформулированной темы, на основании отсутствия в архиве материалов по указанной в отношении темы и т.п. Система допуска в архивы без отношения представляет огромные трудности. Разрешают все вопросы, связанные с архивной работой, администрации соответствующих учреждений.

Свидетель Лурье Я.С., доктор филологических наук, ст. научный сотрудник ИРЛИ АН СССР. Председатель:

- Знаете ли Р. и как давно?
- Мы знакомы уже лет 7.
- Откуда Вы его знаете?
- Я знаю его через моего сына, они вместе опубликовали письмо Стефановича Дейчу.

Далее следует научная характеристика Р. Лурье высоко оценивает его работы, с которыми знаком, его научные способности, архивную эрудицию и трудолюбие. Лурье:

- Когда года два назад я подал заявку в академическую серию истории филологических наук на издание работ замечательного историка М.Д. Приселкова, я решил привлечь Р. к этой работе. Для того, чтобы он мог заниматься этим, я оформил его к себе литературным секретарем, обозначив ему регулярную плату, т.к. он никогда не получал гонораров.

8.

раров за свои работы, опубликованные в научных изданиях.

Председатель спрашивает свидетеля, как, где, почему он имеет право держать секретари. Длинное выяснение этого вопроса. Лурье:

- Как доктор филологических наук и ст.научн.сотр. я имею возможность держать секретари.

- И какую же работу он должен был выполнить?

Лурье объясняет, что подготовка к изданию имеет разные формы работы - и творческие, и технические. Для А.С. было особенно важно ученое Р-го работать с архивами, и это ученое привилось. Р-ку принадлежит замечательная находка: он обнаружил ранее не печатавшуюся работу И.Д.Прищепкова.

Председатель перебывает Лурье и возвращается к вопросу о секретарстве Р-го:

- Так он /Р-ий/ должен был работать на вас?

- Я объяснил, что это должна была быть совместная работа.

- Так что, он так мог бы работать у Вас до пенсии?

- До чьей пенсии, до моей, - недоумевает Лурье.

- Нет, до его.

- Простите, но я не могу заглядывать так далеко, вряд ли довину до этого.

- Ну, а если бы это был не Р., а другой, похожий человек Вашего возраста?.. Т.е. так можно работать?

- Да, так можно работать сколько угодно времени.

У прокурора вопросов нет. Адвокат:

- Вас можно понять таким образом, что Р. помогал не Вам лично, а принимал участие в работе над изданием. Кем оно было утверждено?

- Комиссией по истории филологических наук при АИ СССР.

- Скажите, пожалуйста, как оформляется допуск исследователя к документам? Бывают ли случаи отказа исследователя со стороны архива, несмотря на наличие ходатайства?

- Допуск к работе осуществляется администрацией архива или руководящего отдела после предъявления ходатайства. Очень просто может случиться, что дирекция такого разрешения не дает, хотя отношение продлевается. /Рассказывает случай, когда даже подпись академика Лихачева на отношении не было достаточно, т.к. администрация не хотела допустить исследователя к справочным материалам/.

Р. просит А.С. прояснить вопрос о том, чем определяется ценность архивного документа. Лурье:

- Документы имеют историко-культурное значение, определяемое специалистами. Кроме того, ценность документа может быть очевидна лишь квалифицированному исследователю, не всякий, посмотрев на документ, поймет его истинную цену. Нужно смотреть документ и вовсе не пони-

9.

нить его ценности, не видеть его смысл и т.д. Никакие материальные критерии здесь не присутствуют.

- Воогда ли единица хранения в архиве сопровождается листом использований? Иогут ли попадаться папки, в которых нет листов использ.?
- Конечно, так часто бывает.

Вопрос прокурора к Лурье:

- А могло ли исчезнуть из архива письмо Степановича к Лейчу?
- Нет, - недоуменает Лурье.
- Ну, не именно это письмо, а в принципе, что тогда было бы?
- Ну, это было бы, разумеется, большой потерей для исторической науки.

Председатель к Лурье:

- Вы говорите, что Р. должен был заниматься научной работой и посещать архивы для её исполнения?

- Да.

- А что же Вы, Р-ий, за предварительном следствии совсем другое показывали?

/ Р. недоумен, слегка растерян./

- Не помните... Ну, мы Вам напомни. Там такой-то лист дела, такой-то. Тут у нас написано, что Р. занимался для Лурье корректурой. Как Вы, Р., это объясните?

- Да, в то время, которое Вы называете "находясь на курорте", у меня на столе лежало 6 стопок машинописи. // занимался корректурой работ Пушкикова /1000 стр./

Председатель к Лурье:

- Вы говорите - научной работой, а ведь корректура - это техническая работа.

Лурье говорит о том, что подготовка научного труда включает в себя самую разную работу, в том числе и архивную.

Прокурор:

- Почему Вы, Р., летом заявили, что не будете работать у Лурье?
- Я отказалась отвечать на этот вопрос.

Прокурор зачитывает материалы следственного дела, из которых известует, что Р. говорил о том, что, возможно, осенью не будет работать у Лурье.

- Это было в первый день следствия, когда я ещё не представила, как сложится дело. Я.С. был болен, многое зависело от состояния его здоровья в дальнейшем, - поясняет Р.

- Вы считаете, Р., что Вы добросовестно выполнили свои обязанности?
- Но мне об этом судить.

Адвокат к Лурье:

- Честно говорят Р., что у него летом было 6 шк. труда?

- Да, он говорил мне.

Р. к Лурье:

- А.С.! Был ли я внесен в договор?

Лурье достает аннотацию к договору, где указана фамилия Р. Адвокат просит приобщить бумагу к делу, передает председателю.

Председатель к Лурье:

- Укажите цель этого документа, поставьте число. А то это, простите, выглядит как какой-то анонимка.

Лурье пишет. Председатель:

- Р.! У Вас есть вопросы к другим свидетелям?

- Я должен подумать несколько минут.

Адвокат:

- У меня вопрос к Бучиной. - Когда появились листы использования в ОР ГИБ?

- В отделе рукописей в 1957 году, а в Доме Плеханова примерно десятью годами позже, не помню точно.

Председатель:

- Р.! Не возражаете против приобщения к делу аннотации Лурье?

- Не возражаю.

Адвокат:

- Прошу суд обозреть печатные научные работы Р. в связи с тем, что они были характеризованы свидетелем. Статьи в двух номерах журнала "Освободительное движение" и статьи в "Ученых записках Таргусского учи-та". Названия работ: "Записка декабриста К.Н.Новикова"О земледелии и индустрии в России"; "Вокруг доноса на декабристов/Грибовского"; "Неопубликованное письмо А.В.Столыпина А.Г.Лейчу"/.

Председатель:

- Суд, ссыкаясь на месте, решил приобщить к делу аннотацию к договору и обозреть представленные защитой печатные работы Р.

Прокурор к Р.:

- А.Н.! У Вас не изменилась позиция? Не поможете ли Вы суду, не объясните ли Вы, каким образом у Вас появились документы, относения? Потому что будет ходатайство.

- Я уже заявлял, что на все вопросы, связанные с документами, отвечать отказываюсь.

Прокурор:

- У меня ходатайство к суду. В связи с тем, что не доказано, кем произведены подпись, а подсудимый отказывается помогать суду, я прошу назначить дополнительную комиссионную экспертизу.

Председатель к Р.:

- Не возражаете ли Вы дать образцы подписи за Лурье С.А., Герасименко, Сашенко и т.д.? Эти документы составлены Вами? /передаст через заседателя том дела./.

Р., смотрит документы.:

- У Вас в "деле" достаточно образцов моего почерка. Анкета в архив, бланки требований в архив - да, эти архивные бланки составлены мной ...Что прямо сейчас? - Нет, образцы чужих подпись я делать не стану

Председатель к Р.:

- Как Вы считаете, имеет ли смысл отложить процесс, назначить комиссионную экспертизу?

- Я не нахожу это нужным, т.к. следователь мне объяснил, что экспертизу проводили лучшие почерковеды Л-да. У меня нет оснований сомневаться в их компетентности.

Адвокат:

- Я против новой экспертизы. 1/ По поводу двух документов из "Невы" экспертиза показала, что подписи Сапонко и С.Лурье подделаны Р-им. Считаю, что это заключение может быть использовано и нет нужды в повторной экспертизе; 2/ по поводу 5 документов СГУ от Герасименко экспертиза установила, что материала, в том числе цифрового, слишком мало, и почерковедческого материала не хватает для точного определения подделки подписи именно Р-им; 3/ по поводу трёх документов точно доказано, что это не подделка Р., какой же смысл исследовать теперь цифровой и прочий материал. Поэтому я не вижу оснований для повторной экспертизы.

/Ссора между прокурором и адвокатом - по поводу того, проводить ли новую экспертизу. Оба иервичают, перебивают друг друга. Адвокат:

- Прокурор сказал - "проверяй" экспертиза.

Прокурор: Адвокату понадобилось./

Прокурор: Я сразу назначу дополнительную экспертизу.

Суд уделяется на совещание. Перерыв 2 часа.

После перерыва объявляется, что суд решил удовлетворить ходатайство прокурора. Следующее заседание назначается на вторник, 1 декабря, на 10.00.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ЗАСЕДАНИЯ /ПРОЦЕССА/

1 декабря 1981г.

Свидетель С.А.Лурье /журнал "Нева"/

Председатель: Кем работаете?

Лурье: Старший редактор отдела прозы журнала "Нева"/расписывается/.

Председатель: Вы знаете подсудимого Р-го?

Лурье: Да. С 1966 года.

Председатель: Какого? Как другого?

Лурье: Как знакомого.

Председатель: Где познакомились?

Лурье: На конференции в Тарту, посвященной Блоку.

Председатель: Поддерживали ли с тех пор отношения?

Лурье: Были от времени. Наша семья вместе отдыхали в Усть-Нарве.

Председатель: Что вас связывало?

Лурье: Семейное знакомство /кем знакомы, дети общались/.

Предс.: А в редакции журнала "Нева" Р. появлялся?

Лурье: Да, но не помню, когда.

Предс.: Вы ему бланк от имени редакции журнала "Нева" выдавали?

Лурье: Не помню.

Предс.: То есть возможно, давали, возможно, нет?

Лурье: Возможно. Но ведь у вас есть результаты экспертизы. Насколько

мене известно, в редакции у разных людей собирали образцы моего почерка

Предс.: А утверждительно? Да или нет?

Лурье: От меня ведь требуется, чтобы я говорил правду. Я не помню.

Предс.: Но Р. не имел отношения к журналу "Нева". Как же Вы могли подписать бланк?

Лурье: Возможно, что зав. отделом меня попросил подписать за него.

Предс.: А когда умер Кривцов?

Лурье: В 1979 году.

Предс.: Ну, текст такой: редакция журнала "Нева" просит допустить Р. по теме "Ленинградские декабристоведы" и т.д.

Лурье: По-моему, другая тема.

Предс./показывает документ/: Не Ваша подпись?

Лурье: Не похожа. Я не узнаю.

Предс.: А эксперт утверждает, что подпись выполнена самим Р.

Лурье не отвечает.

Прокурор: Вы допускаете, что постороннему человеку Вы могли подписать "отношение"?

Лурье: Я допускаю, что Р. заинтересовал редакцию своей темой.

Прокурор: Вы видите?

Лурье: Вот в чём дело. Я не думаю, что Р. подделал мое подпись. Если бы ему понадобилась моя подпись, я бы и так подписал ему отношение в архив. Подделывать мое подпись - поступок бессмыслицкий, а на такие поступки А.Е.Р. не способен. Тема, указанная в отношении, не является щекотливой и запретной.

Прокурор: Так вот, в "деле" есть странка, что Р. не имел отношения к журналу "Нева".

Лурье: Мне нечего сказать.

Адвокат: Вы видели Р. в журнале?

Лурье: Да, он бывал у Кривцова.

Адвокат: Зачем?

Лурье: Они вели переговоры с Кривцовым о книге, которую готовил Кривцов.

Адвокат: Кто же может категорически заявить, что Р. в то время не

имел отношения к редакции?

Лурье: Болтически состав редакции за 10 лет полностью обновился, у нас с тех пор осталось не более 5 человек.

Адвокат: Кто у вас брал образцы почерка?

Лурье: Я об этом узнал случайно, через знакомых, что собирают образцы моего почерка.

Адвокат: А Вам предъявили постановление следователя?

Лурье: Нет.

Предс.: Р., у Вас есть вопросы к свидетелю?

Р-ий: Кто был Крицков: историк или писатель?

Лурье: Он работал над исторической темой.

Р-ий: Занимался ли круг интересов Крицкова на отце Коакинфе?

Лурье: Он умер, работая над романом о 40-50-х годах XIX века.

Р-ий: Я полагаю, что у него был широкий исторический диапазон.

Лурье: Да.

Р-ий: Могла ли возникнуть ситуация, когда тот или иной неизвестный автор приходит в отдел Крицкова и предлагает сделать какой-то материал для этого отдела? С целью, если материал получится, опубликовать его?

Лурье: Да.

Р-ий: То есть человек может прийти в отдел и попросить отнести без переговоров с руководством журнала?

Лурье: Да, конечно.

Предс.: Оглашаю: тов. Р. в течение 10 лет никакого отношения к редакции "Нары" не имел и не публиковался. Что Вы, Р., имеете сказать по этому документу?

Р-ий: Я на вопросы по обвинению не отвечаю.

Председатель к Р-му: Засирайтесь.

Р-ий: Зачем?

Предс.: Прояснили бы картину, помогли суду.

Р-ий: Извините, не могу этого сделать по личным мотивам.

Предс.: И ещё документ, от 74-го года./занимает отношение от журнала/. Что скажете, Р., по этому поводу?

Р-ий: Я не комментирую.

Предс.: Лурье: Скажите, Лурье, а Лурье И.С. Вам знаком?

Лурье: Я его знаю.

Предс.: Какого Вы его знаете?

Лурье: Как историка./Предс. недоумевает./ Он очень известный историк

Предс.: А лично Вы знакомы?

Лурье: Видел.

Предс.: А он Вам не родственник?

Лурье: Нет.

Предс.: По ходатайству защиты суд засчитывает 2 инструкции по использованию архивами /среди пунктов следующие: если читатель что-то подчистил, подправил, испортил или украд - тогда уголовная ответственность/. Нарушивший правила лишается права работы в архиве/4 пункта

Оглашается длинный список материалов, просмотренных Р. в архивах, в их числе личный фонд "гражданина Беренгельева" и т.п. Все эти сведения, относящиеся к I-ой трети XIX века.

Предс. к Р-му: Вы согласны с тем, что работали над этими документами?

Р-ий: Сама ситуация, что архивы присыпают списки использованных мною в научной работе документов в следственные органы, кажется мне чудовищной.

Предс.: Правильны ли эти списки?

Р-ий: Не комментирую.

Предс.: Есть ли здесь документы, которые Вы изучали в Доме Плеханова

Р-ий: Я уже пояснял, что в Доме Плеханова у меня особое отношение.

Поэтому отвечая на вопрос суда. Да, с названными документами я познакомился в Доме Плеханова.

Вызывается свидетель Герасименко.

Предс.: Ваша ф., и., о., дом. адрес.

Г.: Герасименко Г.А., Москва и т.д.

- Место работы?

- Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, профессор.

- Вы знаете подсудимого?

- Нет.

- Вы работали в СГУ?

- С 1954 г. - студент, с 60-го - в аспирантуре, с 73-го по 80-й - декан исторического факультета.

- Вам предъявляются бланки /последний от 17.11.78 г./. Ознакомьтесь с ними.

- Подпись не мои.

- Не спешите, ознакомьтесь внимательно.

/ Г. читает/

Предс.: Были ли такие бланки в СГУ?

Г.: Были, очень много!

- Это Ваша подпись?

- Не мои.

- А должность верно указана?

- Так не пишут. Формление неверное: сказали - декан, профессор, не указано, что доктор исторических наук.

- А Вы знали такого соискателя на кафедре истории?

- Откровенно говоря, декан направления в архив соискателям не дает.

Вообще, на факультете бывают ситуации, когда соискатель известен только

научному руководителю ...

Предс./прервав Г.: Р-ий, Вы знаете Герасименко?

Р-ий: Отказался отвечать.

Предс. к Р-ку: Вы учились подпись Г-ко?

Р-ий: Я отказался отвечать на этот вопрос.

Предс.: Садитесь, Р. Герасименко, Вы знаете Кацкана, работника СГУ?

- Да.

Председатель оглашает подписанную Кацканим справку, что Р. не являлся соискателем, затем к Г.:

- Г., это правильный документ?

- Да.

- А Вам известно, что Р. публиковался в "Ученых записках СГУ"?

- За всеми сборниками уследить трудно.

- Ваше мнение: мог он быть соискателем?

- Я об этом не знал.

- Лист "дела" №5. За подписью Коробова, работника СГУ, сообщается, что Р. соискателем не являлся, отношение за подписью проф. Г. ему не выдавалось.

Прокурор к Г.: Кто был зав. кафедрой досоветского периода в СГУ?

- Профессор Пугачев.

- Вам известно положение о соискателях от 1967 года? Всё был такой порядок?

- Да, мы работали согласно этой инструкции.

- С Пугачевым у Вас был разговор о Р.?

- Не помню.

- А Пугачевым Вы были довольны?

- Как научным работником - да, а как к организатору - были нарекания.

Председатель: Подсудимый Р., у Вас есть вопросы к Г.

Р-ий: Сам ли Пугачев ушел или, может быть, ему "помогли"?

Г.: Сам.

Р-ий: Скажите, похоже, что Вам подпись инициировали?

/Г. не понимает/.

Р-ий: Подпись хотя бы минимально похожа на Вашу?

- Нет, абсолютно не похожа.

- С Вашего ли ведома послали образцы Ваших подписей в прокуратуру?

- Я в то время уже не работал в Саратове.

- Какова тема Вашей докторской диссертации?

Г.-председатель: Я должен отвечать Ему на этот вопрос?

Предс./Р-ку/: Зачем Вам это нужно знать?

Р-ий: Возможно, в связи с этим у меня возникнет дополнительный вопрос.

Предс.: Этот вопрос снимается.

Адвокат: У меня вопрос. Знаете ли Вы, Г., что у Пугачева были в руках

документы соискателя Рогинского?

- По правилу, соискатель оформляется в отделе аспирантуры, но какое-то время документы могут быть у профессора.
- А когда их должен отдать профессор? А вот он не сдал, держал их при себе, Пугачев же паско вёл делопроизводство ...

/Р. молчит.../.

Председатель объявляет перерыв до послезавтра, 3 декабря, но несвидание судебное заседание возобновляется. Решается вопрос об оплате дороги свидетеля Герасименко. Суд постановляет - оплатить расходы - 21 рубль.

4-й день суда, 3 декабря 1981 г.

Заседание начинается оглашением разных документов, содержащихся в "деле". Суд оглашает многочисленные характеристики на Р. со всех мест работы, где он когда-либо работал: ГИБ, Пушкиногорского экскурсионного бюро, з-да грампластинок, вечерней сменной школы. При этом судья неоднократно обращается к подсудимому с просьбой подтвердить подлинность содержания документов. Р.аждый раз отвечает, что у него нет оснований сомневаться в подлинности каких бы то ни было бумаг в его "деле".

Суд оглашает "справку" из ГИБ, точнее - заключение текстологической экспертизы по поводу сборника "Память". В справке утверждается, что в сборнике "Память" опубликованы два письма из архива Дома Шекспира: письма Леницкого и Семёнова к Л.Г.Дейчу. На основании мест отсутствующих в опубликованных текстах, устанавливаются авторы и адресат писем, хранящихся в архиве Д. В листах использования, сопровождающих эти материалы, стоит одна подпись - "Рогинский". На основании этого эксперт утверждает, что именно Р. опубликовал эти письма в сборнике "Память".

Кроме этих писем, к материалам ГИБ имеет отношение публикация в сб. "Память" отрывка из воспоминаний И.Н.Анциферова, хранящихся в ОР ГИБ. Отрывок опубликован под инициалами И.Н., которые позволяют определить автора. В листе использования, приложенном к рукописи воспоминаний И.Н.Анциферова, значатся три имени: ст. науч. сотр. Музей Достоевского Перми /"которая, по слухам, покинула пределы СССР"/, к.и. науч. сотр. ОР ГИБ В.Н.Сажин, обращавшийся к ним в слези с составлением каталога мемуаров, хранящихся в ОР ГИБ, и Р.

Суд оглашает результаты ещё одной экспертизы, проведённой библиотечным отделом рукописей И.Н.Курбатовой по поводу изъятого у Р. в 1977 г. на обiske машинописного текста, который, как утверждает эксперт, является вариантом предисловия к сб. "Память".

17.

Суд оглашает результаты пришедшей из Центральной Криминалистической лаборатории дополнительной экспертизы. Рядом:

- Все 7 бланков отговорий подписаны рукой Р.; на одном из бланков дата тоже написана рукой Р.

Суд обращается к подсудимому с предложением ознакомиться с результатами экспертизы.

Р-ий: Я, как человек, много занимавшийся рукописями, всегда очень скептически относился к почерковедческим экспертизам, и данные всех трёх экспертиз в этом "деле" линий раз утверждают меня в этом мнении.

Предс.: /настаивая на том, чтобы Р. посмотрел, ком подписана последняя экспертиза/: Там доктор наук подписал!

/ Фамилии экспертов не были оглашены на судебном заседании. Комиссионную экспертизу проводили: доктор юридич. наук Ландесман, ст. научные сотрудники Храпкина, Алексеева, Штепель/.

Адвокат просит суд перенести слушание "дела", чтобы он смог ознакомиться с вновь поступившими документами, т.к. ему дали их на 10 минут просмотреть только здесь же в ходе суд. заседания.

Председатель объявляет перерыв.

После перерыва.

Предс.: Суд отклоняет ходатайство адвоката Денисова о перенесении слушания "дела", как безосновательное, т.к. у него было достаточно времени для ознакомления с документами.

Председатель объявляет, что поступили 4 международные телеграммы, которые приобщаются к "делу" /содержание их не зачитывается/.

Предс.: Какие дополнения будут к судебному следствию? У Вас, тов. прокурор?

- Никаких.

- У Вас, Рогинский?

- Я подумаю.

- У Вас, тов. адвокат?

- Да, у меня есть дополнения. - Адвокат перечисляет документы, которые он дает суду для "обозрения" и затем просит приобщить к "делу": 1/ личный листок по учету кадров, выданный Р. в №4 школе Московского района Л-да;

2/ "справка-ходатайство" из этой же школы, с просьбой о прикреплении А.В.Рогинского соискателем на кафедру истории Саратовского ун-та;

3/ характеристика на Р. как учителя этой школы;

4/ план диссертации.

Все эти документы - 1974 года. Далее для обозрения суду:

1/ заявление в ОР ГПБ с резолюцией зав.ОР - "разрешено" и её подпись, такое же заявление в Центр.Историч.Архив с просьбой о допуске

к документам с резолюцией и подписью директора архива;
 2/ две справки - об оформлении Р. по договору на работу в качестве личного секретаря в Петроградском РГУ - у Долининой и Аурье;
 3/ аттестационный лист учителя 154 веч. школы Воск.р-на г. Л-да(Р.);
 4/ справка из Мин-ва высшего образования СССР о присуждении Р. медали за лучшую дипломную работу в 1969 г., к 100-летию со дня рождения Ленина;
 5/ газета "Известия" со статьей "Иди со мной", где Р. положительно характеризуется.

Далее адвокат просит у суда разрешения ссылаться на научные работы Р., которые он не захватил с собой, но которые важны для его характеристики.

Предс.: А кто Вам запрещает?

Адвокат просит такие "обозреть" официальные ответы на запросы юридических консультаций о правилах оформления исследователей для работы в архивах, на которых очевидно, что "отношение" само по себе всёе не предоставляет права на работу в архиве. Справки из ЦГИА, ИРЛИ и проч.

Предс./к Р-му/: Знакомы ли Вы с этими документами?

Р-ий: С чем знаком, а с чем - нет.

Предс./к Р-му/: Познакомьтесь.

Заседатель подносит к Р. документы, представленные адвокатом. Р., стоя, знакомится с документами, быстро их просмотрев.

Адвокат: Тут два документа, которые почему-то не лежат в "деле", они посланы на имя прокурора - это 1/ письмо писателя Ю.Давыдова, пишущего на исторические темы, члена СП; и 2/ письмо писателя и ученого И.Эйдельмана, пишущего на исторические темы, члена СП - оба с положительной характеристикой Р. как перспективного ученого.

Предс./к Р-му/: Согласны ли Вы приобщить эти документы к "делу"?

- Да, согласен.

Предс./к прокурору/: Вы согласны?

- Я согласен приобщить все документы, кроме листка по учету кадров, т.к. не понятно, откуда он сейчас взялся.

Председатель зачитывает решение суда /совещавшегося на месте/: документы, предъявленные адвокатом, приобщить к "делу" и перечисляет вышеназванные документы, в т.ч. заявление Р с просьбой о допуске в СР ГИБ - со сроками продления разрешения с 1967 по 1971 гг., газета "Известия" от 17 апреля 1967 г. со статьей "Иди со мной".

Председатель зачитывает выдержку из этой статьи, где упоминается Р. как проблемный исследователь русской истории.

Предс./к Р-му/: Вы ли заполнили бланк-листок по учету кадров?

Р./взглянув/: Да.

Предс.: Куда Вы предъявили этот листок?

- Он выдан в школе для ходатайства в Саратовский университет.

Прес.: Он датирован 17 октября 1974 или 76 года? Кто этот документ посыпал, Вы?

- Не знаю, кто посыпал - или я, или школа. Это не может быть 76-го года, т.к. 154 школа, где были листы, существовала только до 1976 года.

Лавров: Дата здесь - 1974 год.

- Понятно же листок оказался у Вас, если он посыпался в СИУУ?

Р.: Не понимаю, почему пишут иначе.

Лавров: Этот листок был у меня, мне его передал свидетель Гурачев, который здесь лежал показания, он привез его с собой и передал мне.

Прес./к Р-ку/: Вы были вынуждены ссыпаться в Саратовский УИЗ?

Р.: Отвечать отказываюсь.

Прес.: Приступить к приему сторон. - Пост слово прокурору.

Речь прокурора / Горского Н.Н./

Товарищи судьи!

Главная обязанность для советского человека - соблюдение советского законодательства - Конституции и другие законы. Наказое-
государство не может обходиться без строгого соблюдения его правил
наши законов, установленных в этом государстве. Законность и право-
порядок являются основными условиями для нормального развития лю-
бого общества. Особенно важны являются строгое соблюдение законов
в нашей государстве - первой стране социализма, стоящей во главе
социалистической системы, т.к. в нашей стране общечеловеческого
прогрессивного человечества и сотен миллионов людей из развивающихся
стран, которые также стремятся идти по нашему пути. И скажу, мы
находимся в капиталистической окружении и, чтобы сильнее и становись-
тель более злобно наши враги налегут против нас борьбу. В социалисти-
ческом обществе существует связь прав и обязанностей, их соответствие
составят не только и том, чтобы следить за соблюдением этих прав, но
и за тем, чтобы не нарушалась поряdkок их предоставления гражданам.
Например, Конституция предоставляет всем гражданам ССР право на
жизнь, на земельный участок, но подделка сирена на квартиру - полу-
чила, например, именно правоохранительного характера право, или санитарная
застройка карается нашими законами как порок / должностной или оби-
чай/, самоупразднство и прочие виды преступлений против порядка управ-
ления.

Статья 46 Конституции ССР предоставляет наши гражданам право
на пользование достояниями культуры, но такое право тоже преступство-
вляется в определенных поряdkок. Например, чтобы попасть в Эрмитаж,

нужно купить билет, чтобы войти в библиотеку, необходим читательский билет. Среди наших культурных богатств особое место занимают наши архивы, где хранятся ценные документы /например, документы Вольтера, Петра I, декабристов/. Поэтому в архивах установлены особые правила, регламентирующие порядок доступа читателей к этим уникальным сокровищам. Право доступа к архивным материалам предоставляется только специалистам, на основании отношений или ходатайств выданных компетентными учреждениями. Иначе нельзя: если допустить широкий читательский массы к ценным архивным документам, то они попадут в неквалифицированные руки и могут быть испорчены, а то и пропасть. Таков общий порядок, он подтверждается оглашением в зале судебного заседания инструкциями СР ГИБ и др. Чтобы попасть в архив без "отношения", как сказал свидетель Егоров, надо применить "человеческие усилия". Иначе говоря, отступить от закона, который строго обязателен для всех граждан. УК предусматривает ответственность за подлог документов.

Из сейчас рассматриваемое единственное в своем роде преступление когда в целом ряде уважаемых архивных учреждений Москвы и Л-да появились подложные документы. Десять штук! Показания многих свидетелей /Бучиной, Сенчури, Матвеевой/ указывают на то, что это ЧШ. Седые стены архивов не видели такого никогда.

Представший сегодня перед судом А.В.Рогинский, молодой человек, историк, но лишенный некоторых способностей, совершил преступление, предусмотренное статьей 196, ч.3 и З УК РСФСР. Предварительным и судебным следствием достаточно полно доказано, что с декабря 1971 г. он систематически представлял в различные архивы Москвы и Л-да заведомо подложные ходатайства. Общим числом - 10. Причем, как доказано судебным заседанием, 7 из них он подделал сам. Так, например, ... декабря 1974г. он подделал подпись ответственного секретаря журнала "Нева" Самонко на бланке журнала "Нева", а ... февраля того же года - подделал подпись сотрудника этого журнала на таком же бланке - подпись сотрудника журнала Аурье. Оба эти ходатайства, подложные ходатайства, были им представлены в Дом Шеханова и СР ГИБ. Кроме того, как доказано в судебном заседании, Рогинским было изготовлено 5 подложных "отношений" на бланках СРГ, которые были им представлены в ГО АН ССР в Л-де, в ЦГАСР, ЦГИА и ЦГАЛИ. Предварительным и судебным следствием также установлено, что все эти подделки, а также представление заведомо ложных ходатайств в архивы /всего 17 эпизодов/ совершались Рогинским в личных целях незаконного получения доступа к архивным материалам с целью ознакомления с ними и публикации в советских и зарубежных изданиях.

Так, согласно экспертизе, предоставленной специалистами из СР ГПБ предоставленного для ознакомления по упомянутым уже подложным "отношениям" читателю Рогинскому - и только ему - в 1976 году, письма СИЛКОВА и ЛЕЩЕНКО в ДРЧУ были опубликованы в 1973 году в Нью-Йорке во враждебном издании - историческом сборнике "Память". С незначительными сокращениями, направленными на то, чтобы замаскировать адресата писем в архив, в котором они хранятся. Кроме того, переданный в распоряжение следствия органами КГБ машинописный документ на 9 страницах, изъятый в 1977 году из квартире Рогинского при обыске по другому делу, согласно заключению того же специалиста из СР ГПБ, является первоначальным вариантом опубликованной в том же издании статьи "От редакции". Наконец, 12 августа с.г., при обыске, у Рогинского был изъят ряд изданий, которых нет у нас в свободной продаже /среди них - враждебный сборник "Время и мы", изданный в Нью-Йорке, Париже и Тель-Авиве/ и другие зарубежные издания/ и которые, следовательно, были привезены в СССР нелегально, минуя пограничный и таможенный контроль, который бы, конечно же, их задержал.

Все эти факты, бесспорно, нам говорят о связи Р-го с чужими нам зарубежными изданиями и о передачи Р-им этих изданий содержания тех документов, с которыми он ознакомился в советских архивах по подложным "отношениям". Виновность Р-го полностью доказана.

К журналу "Нева" Р-ий никакого отношения не имел. Об этом свидетельствует справка за подпись га. редактора журнала "Нева". Между ними не было никаких творческих связей, никаких документов также не выдавалось, никаких заданий не давалось. Это подтверждено ~~справками~~ и также показаниями Салонко, ств. секретаря журнала "Нева". Более того, почерковедческая экспертиза установила, что в обоих случаях подпись Лурье и Салонко подделаны и были сделаны самим Р-им. Указанные документы журнала "Нева" предъявлялись Р-им в Дом Плеханова и СР ГПБ. Свидетель Герасименко, профессор, в течение 7 лет декан исторического ф-та СГУ, не знает такого соискателя как Р-ий. Те справки, которые здесь зачитывались, говорят о том, что блanks "отношений" за подпись Герасименко не выдавались и что такого соискателя в Саратовском гос. университете нет.

Почерковедческая экспертиза, проведенная дважды, в одном случае утверждает с "вероятностью", в другом - с "большой вероятностью" - там приведен целый ряд бесспорных фактов, - а вновь проведенная экспертиза по инициативе прокурора и суда - которую проводили самые сильнейшие эксперты, признала единодушно, что все 5 подписей за Р. выполнены Р-им /перечисляет эти подписи/ - 3 по "Неве" и 5 Саратовских. При обыске дома у Р-го найден чистый бланк СГУ. Как вы знаете,

на таких бланках Р-ий ученик подписи, предъявляя их в соответствующие учреждения.

Допроенные в ходе судебного заседания свидетели Бучина, Федорин, Секчуря и Катысова, а также рассмотренные судом многочисленные документы подтверждают, что указанные экспертизы поддельные подписи Герасименко были предъявлены Р-им в ЦГАОР, в ОР ГПБ /Седоват, 18/, а также в ЦНА /наб. Кр. Блота/ и ГО Леницова, 10/. Также почерковедческая экспертиза установила подложность трёх справок, предъявленных Р-им в 71-м, в 76-м, и в 77-м году - в ЦГАОР /с поддельной подписью Кринцова/, в 77-м и 78-м году также с подложной подписью Коробова и в ОР ГПБ за подпись Пугачева. То, что эти подписи выполнены Р-им, не установлено, но доказано, что они подложные. Кто выполнил эти подписи, осталось неизвестным, но нельзя сказать, что это сделал не Рогинский.

Особо следует остановиться на показаниях свидетеля Пугачева. И не отрицаю, что между Р-им и Р-им существовали определенные отношения, связи. Не исключено, что Р-ий хотел стать соискателем. Возможно, что у Пугачева были его документы. Но все-таки официальным соискателем - юридическим - он не стал. Поэтому и был вынужден подделывать подписи декана ф-та. Если бы он был соискателем, зачем подделывать подписи? А не обратиться к Герасименко, как официальное лицо к официальному лицу с просьбой выдать ходатайство, как выдавались ему другими, не менее уважаемыми организациями? Пугачев в какой-то мере берёт своего ученика под защиту, говорит, что сам мог подписать такой документ, но все-таки он его не подписал. Подписал кто-то другой. То есть документ подложный. И тому же там ложные данные. Р-ий не соискатель. Такой документ ему официально выдан быть не мог. А если и был бы выдан, то нужна подпись какого-то уполномоченного человека, а известно кого. К тому же Пугачев уже к тому времени не работал в СГУ, правда, он был редактором Ученых записок. Нам предъявлено "отношение" школы, которого в документах СГУ не было, а оно было в кармане у Пугачева. Это не давало права Рогинскому считать себя соискателем.

И второе. "Отношение" школы от 74-го года, а первый документ, предъявленный Р-им в ГИА, относится к 71-му году, т.е. за 3 года до существования листка по учету кадров и этого отношения. Поэтому утверждаю, что и эта справка, на которой сделана подпись Пугачева, также поддельная.

В судебном заседании оговаривались правила и инструкции работы в архиве ГПБ, ГО. Где записано, что главным условием является "отношение", письмо от организации, в котором компетентные организации просят за своего сотрудника - разрешить работать в архиве.

23.

Обвинение утверждает, что все 17 пунктов обвинения, предъявленные Рогинскому - доказаны. И я поддерживаю обвинение Р-го в полном объеме.

Какова юридическая интерпретация вины Рогинского? Рогинский обвинен по статье 196 ч.1/цитирует/-"Подделка удостоверений или иного выдаваемого гос. учреждением документа, предоставляемого права, в целях использования такого документа самим подделывателем". Такой документ, предоставивший право работать в архиве, был подделан обвиняемым и предъявлен им в соответствующее учреждение. Эти действия совершались Р-им систематически. Под словом "систематически" УК подразумевается действия, совершенные 3 и более раз. Мы имеем 7 поддельных фактов, начиная с 74-го года - подряд серии из 7 подделок. Т.о., действия Р-го должны быть квалифицированы по статье 196 ч.2; с максимальным наказанием - 5 лет.

Итак, заведомо подложные документы Р-ий предъявляли в различные учреждения, т.е. это ст. 196, ч.3 -"предъявление заведомо подложных документов", что также в судебной и предварительном следствии установлено.

Давностные сроки: первое преступление совершено 30 декабря 71г сошло с рук, затем последовали другие преступления, за которые наказание - свыше двух лет лишения свободы, поэтому давностные сроки этого преступления прерываются.

Ни одна из бывших с 71-го года амнистий на Рогинского не распространяется: он не женщина, он не награжден орденами и т.д.

Что же из себя представляет Р-ий? Это историк, как уже говорилось, не лишенный способностей, автор нескольких печатных работ, даже положительно характеризуемый, не судим. Может, можно и дополнить его положительную характеристику. Но его способности не помешали на пользу нашему обществу, а были им использованы частично во вред ему. Когда подсудимый был допускаем в архивы по настоящему, а не подложным ходатайствам /о чём уже говорилось/, то в этом случае к нему претензий нет. Но он нарушил сов. законы, совершил ряд подлогов в архивах ГНЕ, ГО и т.д. с 74 по 79 год. Среди всех его положительных сторон нет ни одного пункта, давшего право на смягчение ответственности за содеянное им.

С другой стороны, он совершил в течение 7 лет 17 преступлений, и с его стороны нет никакого раскаяния, нет признания вины. Ну, признание вины - это ладно, но раскаяние! Более того, Рогинский, вот уже несколько дней подряд демонстрирует, я бы сказал, дерзкое неуважение к сов. правосудию. На следствии демонстрировал, демонстрирует и здесь! Не хочет помочь сов. правосудию разобраться в этом не таком уж простом, правда, и не таком уж сложном деле! Послед-

24.

ние 2 месяца перед привлечением к ответственности не работал. Уволен из школы за недостойный поступок. Регионский оспаривал его - и напрасно. Если бы было известно в школе, что он с 71-го года изготавливал подложные документы, то было бы оснований еще в 10 раз больше для его увольнения из школы.

С учетом тяжести, длительности совершенных преступлений, отсутствия раскаяния прокур подвергнуть Р-го строгому наказанию: Ст. 196, ч.2 дает такое наказание - до 5 лет лишения свободы. И он заслужил его.

Предлагаю суду, с учетом его тех некоторых положительных сторон: отсутствие судимости, положительных характеристик - не просить крайний срок, но все-таки прокур приговорить Р-го: по ст. 196, ч.1 - к году лишения свободы, по ст. 196, ч.3 - к году лишения свободы, и по ст. 196, ч.2 - к 4-м годам лишения свободы в исправительно-трудовых концлагерях общего режима.

Товарищи судьи! Ваш строгий, но справедливый приговор не только должен наказать человека, грубо нарушившего сов. закон, но и предупредить всех других неустойчивых лиц, что сов.закон нарушать не позволено никому.

/После речи прокурора/

Адвокат: /делает заявление, помимо того/- просит перерыва судебного заседания до следующего дня - для подробного ознакомления с новыми поступившими материалами /последней экспертизы/ для того, чтобы реализовать свое право на защиту обвиняемого, чтобы подготовиться к защитительной речи /т.к. за 10 минут, которые ему дали, чтобы в ходе судебного заседания ознакомиться с материалами новой комиссионной экспертизы, он не мог оценить этот материал/.

Председатель: А Вы могли ознакомиться, Вам никто не мешал.- Делает замечание адвокату за повышенное голоса и обыкновляет, что адвокату дается 1,5 часа на подготовку своей защитительной речи, в целях чего объявляется перерыв.

/После перерыва - речь адвоката/